

Спустя долгое время премьер-министр наконец перестал плакать и, прильнув к императору, принялся отчитывать его, припоминая старые обиды.

Он начал перечислять их по порядку, ведя счет еще с того дня, что случился год назад, когда государь впервые довел его до трещин в лоне.

Тем временем его ягодицы начали непроизвольно покачиваться вверх-вниз.

Император, покорно кивая и признавая вину, продолжал крепко держать премьер-министра, толкаясь вверх. Он настойчиво исследовал каждый дюйм тесного прохода, стремясь отыскать тот самый сокровенный уголок внутри.

Как только цель была достигнута, из уст премьер-министра, чьи губы были искусаны до пунцовой красноты, вырвались частые, прерывистые стоны. В его глазах вновь заблестела влага, и слезы снова покатались по щекам.

Под градом стремительных толчков всё его тело напряглось, и с вершины его естества сорвались капли семени. Длинные ноги, до этого крепко сжимавшие талию императора, бессильно соскользнули вниз.

Император, однако, снова подхватил его под бедра и продолжал вонзаться в него до тех пор, пока голос премьер-министра, молящего о пощаде, окончательно не охрип. Лишь тогда государь до капли отдал всё свое семя супругу.

Приведя в порядок измятые нижние одежды Ли Цзинъюя, император велел ему, сжимая в себе излитую влагу, следовать за ним обратно во дворец Линьцзян.

Ноги премьер-министра дрожали и подкашивались, но он наотрез отказался садиться государю на спину. Он до смерти боялся, что семя из его лона прольется на землю; тогда на следующее утро слуги наверняка пойдут по следу из густой, белой и липкой жидкости и обнаружат, что он ведет напрямик в опочивальню дворца Линьцзян. И все сразу поймут, чьих это рук — или, вернее, чьих чресл — дело.

Император поспешно предложил:

— Тогда Я понесу тебя на руках.

Только на это премьер-министр согласился. Он уткнулся лицом в грудь императора и, когда они проходили через дворцовые ворота Линьцзян, не смел поднять головы, слыша, как государь отдает распоряжения слугам. Из его нутра продолжало выходить густое семя, пропитывая полы нижних юбок.

Он больно ущипнул императора за твердую спину, давая понять, чтобы тот прекратил болтать и поскорее отнес его внутрь.

Император вздохнул и бросил слугам:

— Премьер-министр утомился, Я отнесу его в покои.

Ноги премьер-министра выглядывали из-под измятых, задранных одежд; казалось, на коже блестели следы какой-то влаги. Его руки, обхватившие шею императора, белизной напоминали срезанные побеги лотоса.

Слуги и не догадывались, что это был премьер-министр. Сперва они лишь сокрушались о непостоянстве монаршего сердца — надо же, всего через год он нарушил данное слово!

В то время среди чиновников нашелся один недовольный, который внезапно выступил с обличением премьер-министра, обвиняя его в том, что тот единолично завладел вниманием государя.

Он советовал императору набрать побольше наложниц, чтобы продолжить род династии Лян.

Премьер-министр тогда не на шутку встревожился; в его глазах стояли слезы, когда он смотрел на императора в тронном зале.

Но государь тогда отрезал: вопрос с наследником решен, а иметь слишком много сыновей — лишь к беде, ведь начнутся распри за трон. Да и во всей этой жизни ему мил только такой красавец, как премьер-министр.

Тот чиновник позже сам подал в отставку и уехал в родную деревню, боясь мести со стороны премьер-министра и его сторонников.

Лунный свет озарял тонкие, как ростки лука, пальцы премьер-министра. Стоило слугам бросить лишь мимолетный взгляд, как император так свирепо посмотрел на них, что те поспешно опустили головы и отступили.

Император помог Ли Цзиньюю совершить омовение и лишь после этого отнес его на кровать, укрыв драконьим одеялом.

Премьер-министр с ленивым видом поднял веки. Он уже было хотел подразнить императора, но тут же устыдился собственного порыва: ну как у него в голове могут быть одни лишь подобные мысли?

Император лег рядом и заключил супруга в объятия. Он был полон нежности и хотел излить душу, но Ли Цзиньюй вдруг спросил:

— Как обстоят дела с наводнением в Цинчжоу?

Император всегда первым узнавал новости из докладов.

Поток нежности замер на устах государя, и ему ничего не оставалось, кроме как начать обсуждать государственные дела прямо в постели:

— Строительство водоотводов завершено, деньги выданы на руки народу, а беженцев определили на постой местные власти.

Только тогда премьер-министр успокоился. Переплетя свои стройные ноги с ногами императора и прижимаясь к нему обнаженной кожей, он вскоре забылся глубоким сном от усталости.

Император же, обнимая его, принялся нашептывать о том, как сильно он его любит — что еще с того первого раза, когда Ли Цзиньюй бросился на колонну, в его сердце зародилось восхищение, ведь он никогда не встречал человека столь прекрасного.

Дойдя до самого пылкого места в своем признании, он заглянул в лицо супругу, желая увидеть в его глазах ответную любовь. Но премьер-министр уже тихонько посапывал — совсем как та

маленькая пестрая кошка за окном.

Император разочарованно пробормотал:

— Я тут распинаясь столько времени...

Впрочем, он быстро пришел в доброе расположение духа. Эти слова он мог повторять хоть сотню раз. Когда премьер-министр проснется, он скажет их снова — и это доставит императору не меньшее удовольствие.

<http://bllate.org/book/17312/1620400>